

Источник: Таганрогская правда
Дата выпуска: 16.02.1980
Номер выпуска: 34
Заглавие: Побеждает человечность
Автор: Г. Андрианов

В этом старом доме всё ждут Любовь Андреевну Раневскую, приезжающую из Парижа, но больше всех — Лопехин. Какой нежностью и печалью светятся его глаза, когда он смотрит с высоты своего роста на эту худенькую, как подросток, женщину, когда она входит с радостным возгласом; «Детская!» и трогает, будто не веря возвращению, хрупкие белые стульчики, и повторяет сквозь слезы: «Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой. И теперь я как маленькая...».

Ермолаю Алексеевичу по всем законам его купеческого бытия радоваться бы другому: что Раневская разорена, и знаменитый вишневый сад, от цветения которого в доме еще белее, вот-вот покорно отдаст ему свою красоту. А он так горячо убеждает Любовь Андреевну принять его проект спасения. «Только, конечно, нужно поубрать, почистить... например, скажем, снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишневый сад...».

«Вырубить? Милый мой, вы ничего не понимаете».

Почему так часто звучат эти слова — в разных вариациях и по разному поводу — в пьесе «Вишневый сад»? Мысль об этом не дает покоя, когда смотришь спектакль, поставленный на сцене Таганрогского драматического театра имени А. П. Чехова ленинградским режиссером, народным артистом КазССР, заслуженным артистом КАССР М. В. Сулимовым к 120-летию со дня рождения нашего великого земляка.

Не то чтобы слова эти не слышались в постановках прежних лет, но сейчас они, став лейтмотивом спектакля, обрели какой-то новый, бередящий душу смысл.

Нет, то, что говорят друг другу в этом отживающем доме и хозяева, и гости, им всем понятно, даже больше того, понятно... до невыносимости. Именно в этой всеобщей аллергии к правде другого — источник страдания этих милых, деликатных людей.

Но если одни, как Лопехин, мучительно хотят понять эту аллергию и освободиться от нее, то другие стремятся пребывать в ней до конца. И это уже трагедия.

Кто не испытывал радости возвращения в родной дом! Но вот Раневской говорят о том, что имение, сад продадут за долги, а сон детства все длится... С. Ливада не боится, что улыбка ее героини может показаться глупой. Маленьким ведь все прощается? — говорят просящие снисхождения глаза. Ее Раневская вся осталась в детстве, и в этом ее сила и ее слабость.

Сила — в этой любви к родине, касающейся неслышно белыми лепестками высоких окон, к саду, по которому так же неслышно и вечно идет мама в белом платье, в необоримом влечении в Париж, где больной любимый человек ждет ее, чтобы измучить до конца. А о слабостях так много сказано за почти восьмидесятилетнюю жизнь пьесы на сценах мира, что стоит ли напоминать?

- Стоит, — говорит С. Ливада, - потому, что и Варя, страдающая от сознания своего бессилия что-либо наладить в этом умирающем имении (О. Шумилова), и Аня (Л. Раскевич), на чью детскую беспомощность тоже не посмотрит снисходительно жизнь, и в конце Фирс (В. Гармашов), примостившийся умирать на стуле (будто могут позвать господ) в заколоченном доме, - они все на совести Раневской.

Это произнесенное слово звучит, когда мы видим Яшу (О. Шумилов) с его иронической улыбкой, застывшей на самодовольной физиономии, Епиходова (А. Феденко), столь же самодовольно любующегося собой и даже «недотепствующего» как-то намеренно франтоватого, Дуняшу (И. Гриценко), которая не узнает настоящей любви. Мы так привыкли повторять об этих людях — «кривое зеркало своих господ», что забыли: им ведь тоже жить!

Недаром вскрикнула Раневская, когда Шарлотта (Т. Беленко) швырнула ей под ноги

младенца—простите, свернутый плед: Шарлотта Ивановна славится эксцентрическими выходками...

Не так ли, разом, меняется в лице Гаев (заслуженный артист РСФСР А. Ионов), совсем не по-традиционному мрачно шепчущий себе в финале: «Дуплетом желтого в середине... Молчу...», будто в это мгновение вдруг увидел себя таким же бильярдным шаром, в который ударит, неизвестно с какой стороны, своим страшным кием судьба. Вот чем откликнулось еще одно непомерно затянувшееся детство.

Этого ощущения своей судьбы, горечи сознания неверно прожитой жизни С. Ливаде пока не хватает в объяснениях с Петей Трофимовым, с Аней. Ощущение это пронизывает каждое движение Лопихина, который у В. Гришина единственный в этом спектакле, кто меняется не только внутренне, но и внешне.

Пластический образ героя — вообще особая забота режиссера. То студенческая куртка Трофимова (В. Трифонов) вдруг напомнит неуловимо крыльями плечей епиходовский пиджак, форсисто наброшенный внакидку, будто в длиннотах Петиных монологов мелькнула епиходовская любовь поговорить на усадебном досуге. Но как не простить ему этот грешок за то, что Лопихин перестал размахивать руками!

Да, Ермолай Алексеевич, вняв совету «вечного студента», перестал размахивать руками перед Раневской и Гаевым, показывая вдохновенно, будто полководец перед битвой, как ударят топоры по деревьям, и устремятся сюда дачники, дачники, дачники...

Но как много должен был пережить и понять Лопихин (Гришин показывает это с осязае мой рельефностью), чтобы подобно пушкинскому Пророку, стала ему внятной и трепетная любовь Раневской к саду, прекраснее которого нет на свете, и удивительная свобода Пети от всего, что ценят богачи, и чтобы из глубины души нового хозяина вишневого сада вырвался крик: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь».

Эту жажду красоты, гармоний человеческих отношений, человека и природы хочет подчеркнуть художник спектакля Н. Ю. Билибина, и в первом действии это удастся ей. Жаль только, что потом в своем желаний дать декорации значение символа отношения драматурга к героям художник предлагает зрителям некий ребус: белые шнуры, то свисающие во множестве, то натянутые, как ванты на корабле. Вот и поди ж догадайся, что это надо понимать, как... нервы героев, то расслабленные, то натянутые — в зависимости от развития действий.

И все же художественная целостность спектакля несомненна, как несомненно сказанное им новое слово о «Вишневом саде». С высоты сегодняшних дней он говорит, что в споре чеховских героев о том, как надо жить, к чему стремиться, не было победителей, как не было поверженных. И Раневская, и Лопихин, и Трофимов отдали друг другу и нам в этом споре самое лучшее, подлинно человеческое в себе — как нравственные ориентиры, чтобы мы сообща украшали наш сад — нашу землю свободным творческим трудом. То было поэтическое завещание Чехова. И недаром великий певец революции В. В. Маяковский через десятилетия ответил ему: «Я знаю — саду цвезть!».